

Змеёныш

Автор:

[Ирена Сытник](#)

Змеёныш

Ирена Р. Сытник

Рабыня дочь рабыни... Бастарда в доме всесильной госпожи... Сирота без роду и племени... Счастливый случай или предопределённость изменили жизнь девчушки, подняв её из грязи в "князи", сделав аристократкой, землевладелицей и хозяйкой замка? Что получится, если соединить жестокую наследственность и военное воспитание в одну гремучую смесь и заключить в соблазнительное тело дочери наложницы? Сиквел романа "Алмоцкий Меч".

Змеёныш

Продолжение романа «Алмоцкий меч»

Часть первая: «Рабыня»

Вступление

Шака родилась в доме Лоис Ландийской, капитана личной гвардии лендлорда Альтамана, города-государства в Лекхеме, у одной из наложниц. Мать Шаки находилась на седьмом месяце, когда, однажды, на прогулке в саду, её укусила змея. От испуга и боли у женщины начались схватки, и она родила просто на

земле. Пришедшему на место события лекарю осталось только обрезать пуповину и передать младенца одной из женщин, прибежавших на крики роженицы. Вскоре после родов женщина умерла, так и не увидев новорождённую дочь. Девочка родилась слабой и молчаливой, и все предполагали, что она вскоре отправится вслед за матерью. Ей даже имени не дали, а с лёгкой руки какого-то зубоскала прозвали «Змеёнышем». Но малышка, вопреки прогнозам, продолжала жить и набираться сил, и вскоре из сморщенного тщедушного красного комочка превратилась в здорового крепкого младенца с чистой светлой кожей, тёмно-кариими глазёнками и каштановыми кудряшками на круглой головке. Но, в отличие от других младенцев, она была тиха, спокойна, редко плакала, а если плакала, то негромко и жалобно, словно скулила.

Госпожа Лоис только раз взглянула на девочку, сразу после её рождения, и больше не интересовалась малышкой, оставив её на попечение лекаря и кормилицы, которую тот нашёл. Слуги, которые, как известно, знают почти всё, что творится в доме их господ, сплетничали, что госпожа возненавидела девочку, так как она плод одного из двух супругов госпожи, а которого, неизвестно, так как малютка не унаследовала черт отца. Услугами наложниц пользовались оба господина, когда Лоис была занята или отсутствовала дома. Оба мужчины – и господин Ольд, и господин Элиан – тоже приходили взглянуть на новорождённую, но ни один не признал её дочерью, и по слухам, они даже поспорили, чьё это дитя. В душе каждый хотел, чтобы эта девочка была его, ведь супруга, вопреки всем их стараниям, и несмотря на наличие аж двух мужей, ни разу не понесла и не произвела на свет ни одного ребёнка.

Шло время. Девочка росла. Пока она была крошкой, её опекали три оставшиеся наложницы, а когда подросла настолько, что могла выполнять посильную работу, её отправили на кухню. Дочь рабыни была рабыней, независимо от того, кто её отец.

Когда девочке исполнилось шесть лет, в ней впервые проявился отцовский характер, поставив точку в споре двух мужчин.

Тихая и замкнутая, как и в младенчестве, девочка держалась незаметно и отчуждённо. Кухонные работницы жалели малышку и часто баловали вкусными объедками с господского стола. Мужчины-рабы, в основном, не обращали на неё внимания, лишь бы не путалась под ногами. Но был в доме один раб, который, почему-то, невзлюбил девочку с первого дня её появления на кухне.

Поговаривали, что эта ненависть происходит от того, что она была плодом одного из господ, а когда-то господин Элиан очень строго наказал его за какую-то провинность. Этот раб постоянно обзывал её и насмехался, называл не иначе как «змеиным отродьем» и «господским ублюдком». При каждом удобном случае отвешивал оплеухи и подзатыльники. К сожалению, он тоже работал на кухне, поэтому девочке было трудно избежать с ним встречи.

Другой бы ребёнок панически боялся своего обидчика и прятался при одном его появлении. «Змеёныш» же тихо копила злобу, и когда её чаша терпения переполнилась, а ярость перевесила естественный страх и природную сдержанность, она дала врагу достойный отпор. Этот всплеск эмоций полностью перевернул её жизнь, потому что так вышло, что эту сцену наблюдала госпожа Лоис, случайно проходившая мимо.

Однажды утром, когда господа уже позавтракали и слуги вернули на кухню грязную посуду, посудомойка дала девочке тарель с остатками жирного соуса, чтобы она вылила его в собачью миску. Малышка осторожно несла тарель, глядя на её содержимое и стараясь не расплескать, не заметив своего врага, в это время вычищавшего золу из печи. Орудя в поддоне кочергой, он нечаянно задел локтем тарель и соус выплеснулся на его и до того не очень чистую тунику. Разъярённый мужчина вскочил с громкими воплями, сыпля ругательствами, и с такой силой ударил девочку по лицу, что она отлетела в угол, выпустив из рук злосчастную тарель, отчего та забрызгала его ещё больше.

Малышка сильно ушиблась, к тому же негодяй разбил ей губу, и солёная кровь наполнила рот. Она сглотнула и почувствовала, как где-то внутри маленького тельца зарождается горячая ослепляющая ярость. Не успел никто опомниться, как девчушка вскочила на ноги и, процедив сквозь зубы: «Я убью тебя!», подскочила к печи, где на подставке стояли ухваты, вертела и кочерги, схватила небольшой вертел для жарки птицы, и с недетской силой вонзила его в обидчика. Раб выпучил глаза. Поток ругательств замер от перехватившей дыхание боли. Войдя в живот, вертела вышел из спины. С кончика закапала густая алая кровь.

Все замерли в ужасе, лишь «змеёныш» оставалась спокойной. И только расширившиеся от ярости глаза и побелевшие, плотно сжатые, губы выдавали бушевавшие в её душе чувства.

– Святые Небеса! – взвизгнула одна из поварих. – Позовите лекаря!

– О боги, она убила его... – в ужасе прошептала другая, так как глаза раба закатились, ноги подкосились, и он рухнул на пол, залитый злосчастным соусом. «Змеёныш» стояла над ним, спокойно, даже с некоторым любопытством, глядя на поверженного врага. И вдруг... тихонько засмеялась радостным довольным смехом, счастливым смехом ребёнка, наконец-то получившего долгожданный подарок. И этот смех, впервые прозвучавший с уст замкнутой, редко улыбавшейся малышки, показался присутствующим особенно жутким в этих обстоятельствах. Если бы она заплакала или забилась в истерике – это было бы понятно и естественно. Но она смеялась! Смеялась тихо, радостно и довольно, словно получила подарок, а не убила человека.

Женщины в ужасе уставились на малышку. И тут в кухню вступила госпожа Лоис, заглянувшая на шум и вопли. До этого она молча стояла в дверях, никем не замеченная, и наблюдала за происходящим. Госпожа приблизилась к девочке, взяла её за руку, и со словами «здесь тебе не место» увела наверх, в господские покои.

Раньше девочка никогда не бывала на верхних этажах, и с любопытством смотрела на роскошное убранство лестниц, коридоров и комнат. Она без страха шла рядом с госпожой, хотя и слышала рассказы прислуги о строгом и скором на расправу нраве хозяйки. Она видела её не раз – издали – и эта высокая, сильная, уверенная в себе женщина всегда вызывала в ней смешанные чувства: любопытство, зависть, восхищение, но никогда – страх.

Воспитание

Когда дочери наложницы было около двух лет, Лоис наконец-то решилась и родила ребёнка – мальчика – от первого супруга – Ольда. Возможно, к этому её подтолкнул интерес, проявленный мужчинами к бастарде. Через год она родила ещё одного сына – от Элиана, так как младший был похож на отца как две капли воды, только волосы взял от матери – светлые и золотистые. Сейчас сыновьям было три и четыре года, и они находились под опекой нянек и служанок. Сюда же, в детскую, Лоис привела и малышку и, передавая на попечение нянек, сказала:

– Это моя приёмная дочь. Её зовут... – она на мгновение задумалась. – ... Шака. Она имеет с мальчиками равные права. Приведите её в порядок и займитесь воспитанием.

Голос госпожи, как всегда, звучал властно, и никто не посмел ослушаться её приказов.

Оставив девочку в руках няnek, она ушла, даже не взглянув напоследок на новоприобретённую «дочь». Служанки тут же занялись ребёнком: раздели, выбросив прочь рабские лохмотья, вымыли в душистой воде, натёрли смягчающими кожу маслами и позвали лекаря, чтобы он осмотрел и залечил раны. Затем позвали торговца, у которого приобрели соответствующие её возрасту и новому статусу наряды. Лекарь проколол девочке ушки, чтобы вставить в них маленькие золотые серёжки, а запястья украсили красивые браслеты. Цирюльник привёл в порядок густые кудрявые волосы девочки, и к вечеру недавняя кухонная замарашка превратилась в настоящую маленькую принцессу с хорошеньким розовощёким личиком, большими сверкающими глазами и красивыми пухлыми губками.

Так неожиданно и радикально изменилась жизнь дочери наложницы. Вместе с именем, она получила и то, чего была лишена с рождения – семью, заботу, детство. Впервые она спала в настоящей мягкой постели, регулярно, сытно и вкусно ела, красиво и чисто одевалась, и впервые у неё появились настоящие игрушки: несколько прекрасных кукол, большая деревянная лошадка-качалка и симпатичный меховой медвежонок, набитый ароматной травой. Ложась спать, она всегда клала его рядом и крепко прижимала к себе, словно боялась, что кто-то его отберёт.

Больше месяца Шака не видела приёмную мать – госпожу Лоис, хотя в детскую несколько раз приходил господин Элиан, молча смотрел на неё серыми, замораживающими кровь, глазами, и что-нибудь дарил: сладости, украшение или игрушку. Он никогда не заговаривал с ней, и Шака его слегка побаивалась, хотя из разговоров няnek поняла, что господин Элиан признал её своей внебрачной дочерью.

Но вот однажды госпожа потребовала девочку к себе, и Шаку отвели на половину госпожи. Лоис находилась в своём любимом будуаре: небольшой уютной комнате, обитой парчой и шелками, застеленной толстым ковром с

разбросанными по нему мягкими и жёсткими подушками различных форм и расцветок. Почти обнажённое прекрасное белокожее тело прикрывали только украшения и несколько кусочков яркого шёлка.

Отослав сопровождающую взмахом руки, она жестом указала девочке место рядом с собой, и растянулась на ковре, облокотившись на одну из подушек. Шака опустилась на ковёр, скрестив ноги, и молча уставилась на госпожу. Она была уже достаточно большой и разумной, чтобы понять, что её позвала не просто, чтобы полюбоваться, а для какого-то важного разговора.

Так оно и вышло.

– Шака, – начала госпожа Лоис, – я назвала тебя своей дочерью, так как в тебе течёт кровь твоего отца – господина Элиана. А я слишком уважаю своего супруга, чтобы позволить его ребёнку прозябать среди черни и рабов. К тому же боги послали мне двух сыновей и ни одной дочери, а я больше не могу позволить себе носить бремя... Поэтому я взяла тебя в свою семью и буду воспитывать, как родную дочь... Но сначала ответь мне на один вопрос: хочешь ли ты стать такой, как я, или желаешь вырасти обыкновенной женщиной и стать подобной твоей умершей матери?

– Я хочу стать, как вы, госпожа, – тут же без колебаний ответила Шака.

– Ну что ж... Тогда я лично займусь твоим воспитанием. Но хочу предупредить, что это тяжёлый изнурительный труд. Тебе придётся много заниматься, терпеть жажду, голод и боль... И если ты хоть раз пожалуешься – я отправлю тебя туда, откуда взяла, потому что ты станешь недостойна ни моих трудов, ни имени твоего отца... Подумай и скажи ещё раз: ты согласна?

– Да, госпожа, – твёрдо ответила девочка. – Я буду послушной и терпеливой, и вам не придётся стыдиться меня.

Лоис улыбнулась и потрепала её по гладкой розовой щёчке.

– Помни свои слова, Шака. И знай, что я не напрасно дала тебе это имя. По-ассветски оно означает «змея». Будь такой же терпеливой, мудрой, быстрой и смертоносной для своих врагов, как это животное... А сейчас ступай. Занятия начнутся через несколько дней.

Так вновь закончилось детство Шаки. Правда, вечерами она была свободна и могла поиграть с братьями или куклами, но, обычно, была такой уставшей, что тут же ложилась спать. Вставала она рано, вместе со слугами и рабами, шла к госпоже, и они начинали тренировки. Сначала это были упражнения для развития координации, силы, выносливости, ловкости, быстроты.

Гимнастические упражнения развивали тело девочки, формировали и укрепляли её мышцы, оттачивали координацию движений, быстроту реакции, а также другие необходимые качества.

Со временем к ним присоединились сыновья Лоис, и они тренировались уже втроём.

От гимнастики постепенно перешли к фехтованию, затем к рукопашному бою, владению другими видами оружия, верховой езде. Между физическими занятиями дети изучали теоретические науки: обязательный ассветский язык и несколько лекхимских наречий; чтение, письмо, математику, танцы и игру на музыкальных инструментах. На последних двух настоял Ольд, и лично занимался с детьми.

Напутствие

Незаметно шли года, насыщенные занятиями, учёбой, играми в немногие свободные дни, путешествиями с родителями и драками с уличными детьми. Шака росла, ни в чём не уступая братьям: ни в росте, ни в ловкости, ни в силе, ни в выносливости. Но всё же она была девушкой, хотя до некоторых пор не осознавала этого, пока однажды, борясь с Дансом – старшим из братьев – почувствовала, что он как-то необычно сжал её и вдруг неловко поцеловал куда-то в шею. Шака ударила наглеца, вырвалась и сердито воскликнула:

– Ты чего?

– Ты очень красивая, Шака, особенно когда сердисься... – ответил мальчишка.

– Я твоя сестра и ты не должен меня целовать, – строго ответила девушка.

- Ты же не родная, - пожал плечами мальчик. - Это не грех.

- У нас одна семья, - настаивала девушка.

- Но разные отцы, - не унимался паренёк. - Ты мне не родня, твой кровник Кайл, а мой отец - Ольд. Так что мы можем даже сделать ребёнка... И вообще, ты дочь наложницы, а значит, должна повиноваться мне.

- С ума сошёл?! - возмутилась девушка. - Этого никогда не будет! - в ярости воскликнула она и ушла с занятий.

До этого она как-то не задумывалась о своём положении в доме Лоис. Госпожа назвала её дочерью и все слуги и рабы восприняли это как должное, и относились к Шаке, как и к юным господам - с подобострастием и послушанием. Но соответствовали ли слова госпожи истинному положению вещей? Была ли она законной дочерью Лоис, оформила ли она соответствующие бумаги, или всё держалось лишь на прихоти и её слове? Решив выяснить этот вопрос, Шака начала действовать с хитростью и терпением, исподволь и незаметно расспрашивая приближённых к госпоже людей: управляющего Аймера, лекаря Кресса, жену Аймера и любимицу Лоис певицу Алию... и в конце-концов выяснила, что она не удочерена Лоис, а остаётся рабыней, дочерью рабыни, хотя об этом никто почти не помнит. Это известие больно задело самолюбие девушки. И хотя её нежной шеи никогда не касался металл рабского ошейника, но она вдруг почувствовала себя несвободной, словно птица, живущая в золотой клетке.

На шестнадцатилетие Лоис подарила приёмной дочери прекрасное оружие в усыпанных драгоценными камнями ножнах, а отец - небольшую шкатулку с набором всевозможных ядов. Затем он посвятил её в секреты своего мастерства, сказав в самом начале:

- Может это и не самая лучшая наука для юной девушки, но знания не бывают лишними. Кто знает, возможно когда-нибудь ты этим воспользуешься... Надеюсь только, не против своих близких... - с мрачной улыбкой добавил он.

После некоторого раздумья, Лоис тоже посвятила Шаку в тайны высшего мастерства своего ремесла: умению убивать быстро, незаметно и не оставляя следов.

Когда девушка постигла и эти науки, Лоис сказала:

– Теперь, Шака, ты стала такой, как я... Ну, почти, как я. Разве что ты моложе и не имеешь моего жизненного опыта. Я вырастила и воспитала тебя, как вырастила и воспитала бы родную дочь; я передала тебе все свои знания и все навыки. Я официально не удочеряла тебя, чтобы ты не была связана семейными традициями, а свободно выбирала свой путь в жизни. Отныне ты свободна в своих поступках, ибо ты не рабыня – пусть эта глупая мысль больше не точит твою прекрасную головку, – Лоис чуть заметно улыбнулась, намекая, что она знает об изысканиях девушки. – Скоро тебе исполнится восемнадцать, и ты будешь вольна поступать, как хочешь: можешь и дальше жить в моём доме, а можешь взять любого коня на конюшне, необходимую сумму денег, и ехать, куда глаза глядят... Если захочешь выйти замуж – мы с Элианом дадим тебе приданое и сыграем свадьбу. А если захочешь найти службу при дворе – я могу замолвить за тебя словечко.

Впервые с далёких времён детства на глазах девушки появились слёзы, и она, не сдержав душевного порыва, прижалась к груди госпожи, как дочь прижимается к груди матери.

– Я никогда не забуду, что вы для меня сделали, госпожа... – пробормотала она.

– Не спеши благодарить, детка, – грустно улыбнулась Лоис, глядя девушку по густым тёмным волосам. – Возможно, когда-нибудь ты пожалеешь, что выбрала путь воина, а не осталась простой нежной избалованной девушкой, чьей-нибудь покорной женой или рабыней-наложницей...

– Нет, нет, нет! Этого никогда не будет! Я ненавижу мужчин и никогда не стану женой или, тем паче, наложницей! – страстно воскликнула Шака.

– А вот это напрасно! – засмеялась Лоис. – Иногда мужчины бывают полезными и могут доставить нам массу приятных минут... Не спеши с выводами, детка, ты ещё слишком мало прожила, чтобы что-либо утверждать категорически. И никогда не говори «никогда». Когда-нибудь ты встретишь мужчину, которому не сможешь сказать «нет». Поверь моему опыту... У тебя всё ещё впереди, дитя моё... Запомни только одно, девочка: никогда и никому не позволяй управлять собой. Всегда только сама принимай важные решения. Даже если они окажутся неверными – некого будет винить в их ошибочности. Ты можешь спрашивать

совета, выслушивать мнения других, но решение всегда должно оставаться за тобой. Это трудно, иногда это больно, но это удел сильных людей. Только так ты сможешь управлять своей судьбой, а не слепо плыть по течению. Никто не знает, какую судьбу послали ему боги, но судьба – не скала, которую нельзя ни перепрыгнуть, ни сдвинуть. Это большая и глубокая река с сильным течением и проложенным руслом. Но по течению плывут только щепки, а рыба сама выбирает путь. Будь же всегда сильной и хищной рыбой и пусть боги пошлют тебе удачу!

Похищение

Высокое небо сияло безоблачной синью. Яркое утреннее солнце ощутимо пригревало, обещая очередной жаркий день. Где-то в головокружительной высоте вёл вою незамысловатую песенку орлок, и его серебряная трель достигала земли еле слышным хрустальным звоном. Над узкой дорогой, над лугом, над тихо текущей меж зелёных берегов рекой проносился лёгкий ветерок, остужая разгорячённого коня и прекрасную всадницу на нём.

Шака любила эти утренние прогулки, когда солнце только встало, когда воздух ещё прохладен и свеж и из него не испарился запах ночных фиалок; когда трава ещё сияет от росы, словно покрытая мириадами мелких бриллиантов, слепя глаза разноцветными бликами отражённых лучей.

Почти два месяца Шака обитала в отдалённом поместье отца, расположенном на берегу реки Скаарр, в дне пути от столицы. Здесь было тихо, спокойно и одиноко, и здесь она ощущала себя полновластной госпожой, какой никогда себя не чувствовала в доме Лоис Ландийской. Слуги и рабы побаивались её, как боялись отца, управляющий ловил каждое слово, и только его сын – двадцатичетырёхлетний балбес – смотрел дерзко и вызывающе. Он был красив и нагл, и в поместье не осталось ни одной более-менее симпатичной девушки, не побывавшей в его объятиях. Первые дни Урио пытался очаровать и Шаку, но девушка быстро остудила его пыл, дав понять, что его мужские чары на неё не действуют никак.

Шака наслаждалась свободой и покоем. Впервые она была сама по себе, спала, сколько хотела, вставала, когда хотела, ела, что хотела. Она могла часами

скакать в одиночестве, объезжая поместье и любясь окружающими пейзажами. Или, выбрав укромный уголок, плескаться в прохладных речных струях. Её бледная городская кожа покрылась ровным загаром и приобрела чудесный золотистый оттенок, густые каштановые волосы слегка выгорели на солнце и начали отливать бронзой; в мрачных тёмных глазах появился глубинный блеск, а взгляд смягчился, стал не таким подозрительным и настороженным. И так хорошенькая от природы, Шака стала ещё краше, расцвела, словно выставленный на солнце комнатный цветок.

Шака съехала с дороги на еле заметную тропинку, которая вела к густым зарослям оули, в укрытии которых девушка любила принимать солнечные ванны. Ветер дул в спину, может поэтому конь и не учуял чужих, прятавшихся среди густой сени, не предупредил хозяйку тревожным фырканием.

Как только девушка спрыгнула на землю, набросив повод на ближайшую ветку, заросли внезапно расступились и её окружили полдюжата человек. Все одетые в зелёные охотничьи костюмы, лица закрыты повязанными на головы платками, а в руках держали нацеленные на девушку арбалеты и дротики. Но Шака не закричала от неожиданности, и даже не испугалась, как на её месте поступила бы любая другая девушка, а только с удивлением посмотрела на незнакомцев. Ей хватило одного взгляда, чтобы оценить ситуацию. Она знала, что в этих местах отродясь не водилось разбойников, а значит, это либо чья-то дурная шутка, либо спланированное нападение. Засада сделана достаточно умело и в том месте, где она часто бывает, а значит, устроена именно для неё. Нападавших слишком много, чтобы пресечь сопротивление, и вооружены они вполне серьёзно. Конечно, она могла рискнуть и попытаться вырваться из окружения – для этого хватало навыков, но вряд ли борьба обойдётся без ранения, а она не хотела подвергать свою жизнь необдуманной опасности. Лучше приберечь силы для более удобного случая. Вряд ли эти люди знают, с кем имеют дело, иначе подготовились бы более основательно. Потому сейчас лучшая тактика прикинуться беспомощной овечкой и выяснить, что всё это значит. Потому Шака просто стояла и молча ждала продолжения развития событий.

Вперёд вышел один из псевдоразбойников, и приглушённым голосом произнёс:

– Госпожа, мы не причиним вам вреда, если вы не будете кричать и не попытаетесь бежать.

– Не знаю, не знаю... – задумчиво ответила девушка. – Может, всё же позвать на помощь? Вдруг, кто услышит?

– Бесплезно, в округе нет ни души.

– Вы и себя имеете в виду? – насмешливо произнесла Шака. – Может, скажете всё же, что происходит?

– Это похищение, сударыня.

– А вы знаете, кто я? Может, вы меня с кем-то спутали?

– Мы прекрасно о вас осведомлены, сударыня, и ошибки быть не может... Поэтому прошу вас ещё раз: никаких истерик или сопротивления, и тогда мы не сделаем вам больно.

– А не скажете, с какой целью вы меня похищаете? Ради выкупа, мести, продажи? Не думаю, что моему отцу, тайному советнику лендлорда, это придётся по вкусу. Вы не боитесь, что он вас отыщет – а он это умеет, уверяю вас – и строго накажет?

– Это проблемы господина, пославшего нас. Пусть он объясняется с грозным советником, а я лишь выполняю его приказ, – мужчина снял с пояса верёвку и ступил к девушке. – Разрешите связать ваши руки, сударыня... Давайте сделаем это быстро и без лишних хлопот. И тогда всем будет хорошо.

Конечно, Шака могла легко свернуть ему шею или проткнуть ножом, висевшим на тонком шёлковом пояске на талии, но тогда его подельники или ранят её из арбалета, или навалятся всей толпой и скрутят, словно овцу, и кроме тумаков и синяков она ничего не добьётся. К тому же ей стало любопытно, кто это рискнул похитить дочь Элиана Марлозского, тайного советника лендлорда, и воспитанницу Лоис Ландийской, его начальника охраны? По этой причине она безропотно дала себя связать, завязать глаза и усадить в лодку.

Они долго плыли куда-то – то ли вверх, то ли вниз по течению – Шака не смогла понять, потому что, как только лодка отплыла от берега, её несколько раз прокрутили на одном месте, а на голову и тело девушки набросили плотный

плащ, чтобы она не смогла сориентироваться по теплу солнечных лучей. Да, похищение организовал очень умный человек!

Через некоторое время, показавшееся Шаке вечностью, лодка пристала к берегу, её вывели на твёрдую землю и пересадили в повозку, которая тут же тронулась с места. Рядом – справа и слева – сели двое похитителей, их твёрдые плечи сжимали её, словно каменные стены. Повозка подсакивала и тряслась на ухабах и неровностях дороги, гремела колёсами и скрипела всеми составляющими. В ней было душно и жарко, к тому же Шака начала уставать от неудобной позы и тесноты, а связанные руки затекли и болели.

– Развяжите меня, мне больно, – попросила.

– Потерпите ещё немного, госпожа, – ответил знакомый голос. – Уже близко.

И, правда, вскоре копыта лошадей и колёса повозки загрохотали по мощёной камнем дороге, и ещё через несколько мучительных минут они остановились. Шаке помогли сойти на землю, но она так измучилась от долгой дороги и тряски, что еле держалась на ногах. Тогда кто-то подхватил её на руки и понёс. По-видимому, носильщик был сильным человеком, так как Шака была отнюдь не миниатюрной и не худенькой девушкой, а высокой плотной девушкой с хорошо развитой фигурой. Мужчине пришлось попотеть, так как он нёс её долго и далеко, проходя коридорами и поднимаясь по лестницам. Но он не произносил ни звука, и только натужное дыхание выдавало его напряжение. Но Шака не горела желанием облегчать его участь, и комфортно, насколько позволяли обстоятельства, возлежала в его объятиях.

Наконец, её внесли в какое-то помещение, поставили на ноги, и она ощутила, как путы на руках ослабли. Но пока она сбрасывала остатки ослабленной верёвки, пока снимала с глаз плотную чёрную повязку, послышался звук захлопывающейся двери, и она осталась одна. Шака осмотрелась вокруг.

Комната, где её заперли похитители, была квадратной, с двумя узкими, как бойницы, окнами, забранными решётками. Под глухой стеной расположилось низкое деревянное ложе с гнутым подголовником, застеленное грубым полосатым покрывалом. Под одним окном стояли небольшой столик и трёхногий табурет. Один из углов ограждала деревянная складная ширма, заглянув за которую девушка обнаружила простые туалетные принадлежности. Над дверью

висел масляный фонарь, а на полу возле ложа небольшой плетеный коврик – вот и всё убранство комнаты. Небогато, но чисто.

Шака выглянула в одно окно, затем в другое, но увидела лишь бесконечное море деревьев, тянущееся к горизонту. Она сделала вывод, что замок находится на левом берегу Скаарра, где раскинулись бесконечные леса Вилленда. Ещё она поняла, что её комната находится на самом верху высокой башни.

Осмотревшись, девушка присела на ложе, подобрала ноги и обхватив руками колени. Откинув голову на прохладную стену, закрыла глаза и погрузилась в размышления. Первым делом подумала о побеге. Перебрав несколько вариантов, отбросила их как неосуществимые. Нет, сила здесь не поможет. Похитители продумали всё до мелочей. Здесь нужна хитрость. Но какая? Что придумать?

И тут Шака вспомнила предводителя похитителей. Несмотря на неожиданность нападения, девушка успела заметить, каким восхищённым взглядом смотрел на неё мужчина. Да и потом, во время путешествия, он обращался с ней очень бережно и заботливо. Его прикосновения всегда были тактичными и осторожными, словно он боялся причинить ей боль. А объятия, когда он нёс её, нежно прижимая к груди, излишне крепкими... Вряд ли он так старался, чтобы просто угодить господину. Нужно будет подумать, как можно использовать это для своего освобождения.

Размышления прервал скрип засова по ту сторону двери. Чуть приоткрыв глаза, она увидела, как в открывшуюся дверь скользнула рабыня с подносом в руках. В тёмном проёме маячила фигура часового с закрытым лицом.

Шака не шевелилась, наблюдая за рабыней только взглядом. Та поставила поднос на стол, поклонилась и выскользнула за дверь, которая тут же с лязгом закрылась.

Сначала девушка хотела посмотреть, что находится на накрытом салфеткой подносе, но затем переборолла любопытство. Выбрав линию поведения, забралась под покрывало, и постаралась расслабиться и по возможности вздремнуть. Лоис учила её отключаться от реальности по мере необходимости, и сейчас это искусство очень пригодилось.

Разбудил Шаку скрип двери. Открыв глаза, увидела, что сквозь западное оконце падают лучи заходящего солнца, наполняя комнату мягким золотым светом. А на пороге стоит один из похитителей, одетый так же, как и утром. Бросив взгляд на нетронутый поднос, посмотрел на лежащую девушку и произнёс уже знакомым голосом:

- Вы хорошо себя чувствуете, сударыня?

Шака не ответила. Молча отвернулась к стене и набросила покрывало на голову. Мужчина подождал несколько мгновений, а затем осторожно приблизился. Сквозь покрывало девушка ощутила лёгкое прикосновение. Одеяло приподнялось, и, повернув голову, Шака увидела над собой внимательные серозелёные глаза.

- Это не поможет вам, госпожа... Если придётся, мы будем кормить вас силой.

Шака улыбнулась, и вдруг с быстротой змеиного выпада протянула руку и сорвала с лица мужчины закрывавший его платок. Он не успел отпрянуть, и взгляду девушки открылось волевое загорелое лицо с правильными и красивыми чертами, которое не портил даже небольшой шрам в виде трёхлучевой звезды на левой щеке. На вид мужчине было лет тридцать пять.

Он поспешно отступил, стараясь натянуть платок на лицо, но Шака произнесла:

- Не старайтесь, я успела вас рассмотреть и запомнить... Особенно звёздочку на левой щеке. К тому же вы довольно симпатичны и на вас приятно смотреть...

Мужчина сорвал с лица платок и неожиданно улыбнулся. На щеках появились очаровательные ямочки.

- Сам виноват... Пусть будет и так... Но всё же вам придётся поесть.

- Только если вы составите мне компанию.

Мужчина мгновение поколебался и кивнул.

- Только если вы пообещаете, что больше не будете посягать на мою особу.

– Я вас больше не трону, – кивнула девушка.

– Я недавно пообедал и, с вашего позволения, только выпью немного вина.

– Согласна.

Шака перебралась за стол. Мужчина сдёрнул с подноса салфетку и ловко повязал вокруг её шеи. Затем посмотрел на поднос и произнёс:

– Здесь только один кубок.

– Отлейте мне немного, а сами пейте из бутылки... Вы ведь солдат и вам не привыкать к такому способу питания...

Мужчина засмеялся.

– Откуда вы знаете, что я солдат?

– Это видно и слепому... Сержант? Хотя у вас довольно хорошие манеры...

– Нет, я офицер, но не из тех, которые с юности трутся при дворах. В своё время я славно повоевал...

– Этот шрам с тех времён?

Рука мужчины невольно потянулась к лицу и кончики пальцев коснулись давнего шрама.

– Да, вражеская стрела... К счастью, на излёте, иначе я не остался бы таким красивым, – засмеялся он.

Взболтнув бутылку, посмотрел её на свет, затем запрокинул голову и сделал несколько хороших глотков, почти полностью осушив.

– Когда я увижу вашего господина? – перевела разговор на более интересующую её тему Шака. – Мне бы хотелось сказать ему несколько слов...

– Он скоро приедет.

– Так его даже нет в замке? – удивилась девушка.

Мужчина внимательно посмотрел на пленницу.

– Откуда вы знаете, что находитесь в замке?

– Не считайте меня дурочкой, офицер... То, что я вам позволила привезти меня сюда, не означает, что я потеряла голову от страха. Вы завязали мне глаза, но не заткнули уши. То, что я услышала по дороге сюда, позволяет сделать вывод, что я нахожусь в довольно большом замке, а вид из окон говорит, что он расположен на левом берегу Скаарра. Я знаю нескольких землевладельцев, поместья которых находятся на этом берегу, но не хочу гадать, кто из них мой похититель, так как всё равно скоро это узнаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/sytnik_irena/zmeenysh

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)